

Используемая Владимиром литература может быть отнесена к следующим разделам: 1) Священное писание; 2) гимнография; 3) жития святых; 4) произведения канонического права; 5) литература об иконопочитании и толковый иконописный подлинник; 6) разные творения святых отцов; 7) современная полемическая литература; 8) униатская литература (одна ссылка); 9) светская литература: хроники, лексикон. Упоминания о «козмографиях» и «геометрических чертежах» (л. 42 об.) дополняют представление о широте кругозора Владимира.

По объему материала, привлекаемого Владимиром для обоснования своих взглядов, он далеко превосходит других авторов, своих современников.

«Послание» состоит из предисловия (лл. 1—9 об.), оглавления (лл. 10—12), первой части (лл. 12 об.—39) и второй части (лл. 39—78). Собственно посланием к Симону Ушакову является лишь первая часть с предисловием. Только для первой части составлено оглавление, что придает этой части законченность. Вторая часть представляет собой ожесточенную полемику с «вредоумным» Иоанном Плешковичем. В обеих частях рассматриваются одни и те же вопросы живописи, поэтому сочинение является единым целым. Но во второй части эти вопросы разработаны с большей полнотой, так как полемика обязывала автора к максимальной аргументации своих мнений. Сложность построения «Послания» такова, что по существу оно выходит за рамки обычного эпистолярного произведения и приобретает характер «научного» для своего времени трактата.

Судя по эрудиции нашего автора, он принадлежал к тому небольшому кружку образованных для своего времени людей, которые в основном группировались вокруг Посольского приказа и вокруг Ф. Ртищева. На «Послании», вероятно, отразились взгляды этого кружка. Владимир ставит своей задачей, во-первых, дать наставление в искусстве живописи и, во-вторых, показать преимущество «живописания» над традиционным искусством. Но, как говорит сам Иосиф, к написанию «Послания» его толкнула «внутренняя ревность» (л. 3 об.) о состоянии русского искусства, продиктованная сознанием важности последнего для национального достоинства. Именно с этих позиций он выступает против прежнего иконописания в споре с Плешковичем. Он даже подозревает Плешковича в намеренном унижении русских «от лукавого помышления» (л. 4). Его задевает то, что иностранцы «зазирают» и «смеются плохому рисованию» русской живописи (л. 34). Впервые достоинства русского искусства начинают мерять иностранными образцами. Этим объясняются постановка вопроса Владимиром и его аргументация.

Когда несколько позже (в 60-х годах XVII в.) англичанин Колинс спросил, почему русская живопись так плоха (по его мнению), то услышал в ответ, что «русские не горды».²⁵ Ответ примечателен тем, что говорит о наличии характерного для средневековья сознания недопустимости личного самоутверждения в искусстве. Но пример Владимира показывает, что в искусстве начинает уже активно выходить на первый план личность художника. Это одна из причин его пренебрежительного отношения к старине. Само такое отношение было признаком назревающего раскола. Оппонент Владимира Плешкович близок по своим взглядам к старообрядцам (что отметил еще Буслаев), которые вслед за Василием Великим и Иоанном Дамаскином могли выражать опасение: «Если начнем

²⁵ С Колинс. Нынешнее состояние России, изложенное в письмах к другу. Перевод П. Киреевского. М., 1846, стр. 9.